

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 2 / 2025, Iss. 2 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.22

Русский язык в условиях современного языкового империализма

¹ Маслова М.В.

¹ *Российская открытая академия транспорта Российского университета транспорта (МИИТ)*

Аннотация: в статье раскрывается понятие империализма, представлена сущность языкового империализма как формы умышленной языковой дискриминации, ведущей к геноциду народов. Автор раскрывает инструменты империализма, выделяя прагматизм, модель «неокочевника», создание искусственного языка. Выявлены способы реализации практик языкового империализма как практик колониализма и цивилизационной борьбы, осуществляемых англо-саксами, а также определены негативные тенденции в отношении русского языка в рамках языкового империализма.

Ключевые слова: языковой империализм, практика мягкой силы, прагматизм, американская культура, «избранный народ», проект глобализации, постмодернизм, естественные и искусственные языки

Для цитирования: Маслова М.В. Русский язык в условиях современного языкового империализма // Современный ученый. 2025. № 2. С. 177 – 182.

Поступила в редакцию: 15 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 3 февраля 2025 г.

The Russian language in the context of modern linguistic imperialism

¹ Maslova M.V.

¹ *Russian Open Academy of Transport of the Russian University of Transport (MIIT)*

Abstract: the author reveals the concept of imperialism. It presents the essence of language imperialism as a form of deliberate language discrimination leading to genocide of people. The author reveals the tools of imperialism, highlighting pragmatism, the «neo-classical» model, the creation of an artificial language. The article identifies ways of implementing the practices of language imperialism as a practice of colonialism and civilization struggle carried out by the Anglo-Saxons. The author draws attention to negative trends regarding the Russian language within the framework of linguistic imperialism.

Keywords: the concepts of linguistic imperialism; soft power practices; pragmatism; American culture; 'the chosen people'; the globalization project; postmodernism; natural and artificial languages

For citation: Maslova M.V. The Russian language in the context of modern linguistic imperialism. Modern Scientist. 2025. 2. P. 177 – 182.

The article was submitted: October 15, 2024; Approved after reviewing: December 17, 2024; Accepted for publication: February 3, 2025.

Введение

Вопросы базисного плана, такие как политика и экономика, на первый взгляд, значительно далеки от чисто филологических проблем. Но ход истории свидетельствует о том, что именно они оказывают влияние и определяют доминирующее положение того или иного языка в международной жизни. И вполне понятно, почему экономически доминирующие страны пытаются занять свое лидирующее положение и в языке. Ведь язык, а точнее его характер, определяет мышление, на основе которого формируются модели поведения, тем самым создается определенный проект общества.

Развитие языка, а также его разрушение, тесным образом связано с развитием человеческого мышления или его упрощением, со способами интеллектуального освоения действительности, так как именно он является средством воспроизведения реальности в опыте человека, своего рода общей теорией, описывающей и объясняющей окружающую действительность. При этом главной целью понимания становится осмысленное поведение и ориентация в общественной жизни. Понимание – это сложный комплексный процесс, который связан с психическими и познавательными способностями человека, с процессами общения между людьми.

В каком положении в современном мире находится русский язык? Тенденции, которые происходят сегодня в пространстве русского языка, носят объективный или субъективный характер? Изменения в языке связаны с развитием общества или его деградацией? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего, обратимся к понятию империализма. Данное понятие образовано от латинского «*imperiū*» – «власть», «господство», «владычество». Оно вошло в оборот в XX веке и используется для обозначения теории и практики расширения власти над другими государствами и народами посредством экспансионизма, основанной на использовании насилия. Крайней формой проявления является военная экспансия. Но в Британии разработана теория и практика мягкой силы, формой которой является и практика «языкового империализма».

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования строится на междисциплинарном подходе, объединяющим социальную философию, филологию, лингвистику. В работе реализуются следующие принципы анализа: функционально-деятельностный, структурно-содержательный, аксиологический и феноменологический подходы, методы классифи-

кации и систематизации, теоретического обобщения и описания.

Эмпирическую базу исследования составили научно-методические обобщения зарубежных и отечественных мыслителей применительно к исследуемой проблеме, контент-анализ публикаций в периодической печати и других источниках по проблеме, а также обобщение наблюдений, основанных на личном опыте автора.

Результаты и обсуждения

Понятие «языковой империализм» введено в оборот британским лингвистом Робертом Филлипсоном. В своей одноименной книге «Языковой империализм» он исследовал феномен культурного империализма, частью которого выступает лингвистический империализм, как форма преднамеренной языковой дискриминации. Цель: расширить права и возможности доминирующего языка, а, следовательно, и его носителей. Лингвистический империализм исключает диалог культур.

Как отмечает М.А. Марусенко: «Английские же колонисты разжигали вражду между племенами, стремились уничтожить индейцев как расу... Когда колонисты убивали индейцев, то говорили о прогрессе цивилизации к правящей славе Господней, когда индейцы убивали колонистов, сгоняющих их с исконных территорий, то говорили о кровавой резне, устроенной дикарями. Индейцев представляли не иначе, как творениями дьявола. Английские колонисты быстро поверили, что они должны выполнить священную миссию – очистить территории, дарованные им Провидением, от дьяволов. После ухода англичан, дело истребления индейцев продолжили американцы, проводя политику, которая в наше время может быть названа только одним словом – геноцид» [7, с. 36-37].

Но ведь эта же практика реализуется англосаксами по всему миру, в том числе и в отношении народов постсоветского пространства. Эта практика получила название «практики двойных стандартов».

Свою экспансию Запад называет продвижением прогресса и демократии, а факты защиты народами своей идентичности и суверенитета – проявлением консерватизма, отсталости и дикости. Попытка России отстаивать свои интересы даже в рамках границ своей цивилизации привела к тому, что в ее отношении развернута новая холодная война в форме русофобии и отмены культуры. Но за всем этим стоит элементарная цель западного империализма: любой ценой двигать свои интересы и достигать своих целей.

Гарри Уэллс в работе «Прагматизм – философия империализма» отмечает, что прагматизм, как инструмент империализма, нацелен на результат независимо от используемых средств. В определенной степени здесь проявляет себя и дух иезуитов, которые также использовали принцип «цель оправдывает средства». Г. Уэллс отмечал, что прагматизм является, прежде всего, теорией и практикой американского капиталистического империализма.

Среди черт, характерных для прагматизма как идеологической системы империализма, можно выделить, во-первых, отрицание объективной реальности, которая существует независимо от всего человеческого опыта и отражается нашим мышлением посредством наших чувств; во-вторых, последовательное отрицание объективной необходимости, причинности любого учения о том, что данные события и процессы обязательно следуют из чего-то; в-третьих, отрицание всякого объективного познания, истины, а значит, и реальной возможности предвидения или власти над естественными и социальными явлениями; в-четвертых, утверждение о том, что успешная реализация поставленных целей, намерений и идей является единственным мерилем их достоверности и «истинности» [14, с. 8].

Современные исследователи отмечают, что американская культура базируется на особой мессианской идейной парадигме. Первые протестантские переселенцы те территории, которые они завоевывали с последующим освоением, называли не как иначе, как «Новый Израиль» и «Новая Земля обетованная» [15, с. 22].

Так, например, на законодательном собрании Новой Англии в 1640 году было утверждено три базовых положения, которые и вошли в резолюцию: «1. Земля и все, что на ней – принадлежит Господу; 2. Господь может дать землю или какую-то ее часть избранному народу; 3. Мы – избранный народ» [16].

Из этих трех положений следует четвертое: земля принадлежит избранному народу, то есть, в данном случае – американцам, а точнее – американским протестантам, которые решили, что они и есть «новый избранный народ».

Здесь используется понятие британских пуритан, которые отрицали у коренного населения Америки факт наличия души, а развязанные «индейские войны» рассматривались как естественный процесс убыли индейцев. Для американца весь мир – это индейцы. Об этом пишет современный американский исследователь А. Ньюитц [11].

В последнее время в русской культуре и образовании под разными личинами получают свое

распространение, сформулированная Ж. Аттали, модель космополита и «неокочевника», т.е. индивида, лишенного корней в своей родной культуре, языке и национальной истории [2, с. 291-292]. Этот тип человека культивируется повсеместно по отношению ко всем народам земли.

В рамках англо-саксонского проекта глобализации предусматривается тотальная унификация народов и языков с переходом к единому универсальному, в данном случае – глобальному языку. Техническим языковым инструментом формирования «неокочевников», вооруженных современными средствами коммуникации и передвижения, является постмодернизм. По словам В. Якунина, В. Багдасаряна, С. Сулакшина «постмодерн» выступает не только метафорическим языком богемы, но и утвердившейся реальностью современных способов управления [15, с. 22]. В рамках постмодернизма история народов рассматривается как пространство ошибок, заблуждений. Но отказ от истории ведет к отказу конкретных людей от истории своего конкретного народа.

В борьбе с естественными языками используется практика создания искусственных языков. Этот феномен отмечает в своей работе А. Пиперски [13]. Естественные языки дают возможность человеку ориентироваться в своей среде, они несут в себе мировоззренческую картину того или иного народа. Именно в противовес мировоззренческой и онтологической основе, идет попытка создания искусственных языков, которые являются лишь фикцией, имитацией, но способные погрузить человека в ложную реальность, и в результате выступить средством порабощения. Этот аспект детально нашел свое отражение в работе Дж. Оруэлла «1984». Следует учесть следующий библиографический факт. Дж. Оруэлл был сотрудником британских спецслужб, настоящее его имя Артур Блэр. В вышеуказанной работе он отмечал: «Мы сузим горизонты мысли... мы сделаем мыслепреступление невозможным... для него просто не останется слов» [12]. Одновременно с искусственными языками идет конструирование и новых феноменов культуры, искусственных племен, трайбализация (от лат. *tribus* – племя). Достаточно на этот счет посмотреть первую серию фильма «Голодные игры».

Политика языкового империализма, реализуемая в настоящее время англо-саксами, ведет к тому, что целые поколения через язык отсекаются от накопленного исторического и духовного опыта предыдущих поколений. Например, на территории Украины идет тотальное уничтожение русского языка и книг, изданных на русском языке. При этом уничтоженные книги даже нерусских авторов

не переиздаются на современном украинском языке.

В данной практике используется принцип деконструкции, разработанный в постмодернизме, а если проще – «разрушать – не строить». С этим же принципом одновременно реализуется и практика тотальной негативной критики русского как такового до практики тотальной отмены культуры. Формируется феномен «Ивана не помнящего родства».

Подобный феномен описан Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день». В образе манкурта изображен пленник, для которого характерно отсутствие самосознания. Он полностью превращён в бездушное рабское существо, которое находится в подчинении у своего хозяина, и ничего не помнит из своей предыдущей жизни.

Некоторые исследователи само слово «манкурт» рассматривают в связи с древнетюркским «*munqul*» – «неразумный, глупый, лишённый рассудка» [4, с. 349].

Другие считают, что это слово связано с киргизским словом «*munju*» – в значении «калека», лишенный конечностей, изувеченный человек. В монгольском языке есть слово «мангуу». С одной стороны, оно может использоваться в значении «тупой, глупый, слабоумный», с другой – «идиот». От последнего образуется глагол «мангуурах», что означает «становиться глупым, тупым» [10].

Беспамятство может быть стихийным, а может быть осознанным и намеренным. И тогда беспамятство становится сознательным инструментом уничтожения собственной истории. Применительно к России такая практика выражается в форме русофобии. Иллюстрацией данной парадигмы выступают стихи послереволюционной литературы В. Александровского:

«Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? Что же!

Вечная память тебе.

Не жила ты, а только охала

В полутемной и тесной избе.

Костылями скрипела и шаркала,

Губы мазала в копоть икон,

Над просторами вороном каркала,

Берегла вековой, тяжкий сон».

По окончании революции термин «русская история» исключили из образовательных программ как контрреволюционный. Русские национальные герои стали характеризоваться Советской властью как реакционеры. Стоит отметить, что особенно пострадали образы гражданина Минина и князя Пожарского, которые в 1611 году, собрав 2 народное ополчение, освободили не только Москву, как центр государства Российского, но и, в целом, подняли весь народ на борьбу с польской интер-

венцией. Так, в рамках борьбы с деимпериализацией советского общества, проводилась крупномасштабная кампания по демонтажу их памятника на Красной площади. Также под запретом оказалась идея «патриотизма», как источника мелкобуржуазного национализма, в последствии сменившаяся на идеи интернационализма.

Это описывается Ф.М. Достоевским в образе Смердякова, считавшего войну с Францией – ошибкой. Он отказывал России в праве цивилизованности: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с» [3, с. 225].

Джек Алтаузен идет дальше: он предлагает вымарать из истории Минина и Пожарского, чьи имена связаны с преодолением Смуты в России в начале XVII века. Он отмечает:

«Я предлагаю

Минина расплавить,

Пожарского.

Зачем им пьедестал?

... Подумаешь,

Они спасли Расею?

А может, лучше было б не спасать».

Запрет на проявление патриотизма, в лице идентификации себя как русского человека, является выражением языкового империализма: практики европейского колониализма, цивилизационной борьбы, экспансии Западной культуры путем глобализации, – проявляющихся в самых разных формах.

А.И. Вдовин в своей работе отмечает, что языковая политика после революции 1917 года осуществлялась в переориентации от кириллицы к латинскому алфавиту. За период, который продолжался до середины 1930-х годов на латинскую графику был переведен алфавит 68 национальностей. В риторическом революционном западе большевистские пропагандисты доходили до определения русского алфавита в качестве «идеологически чуждой социалистическому строительству формы», «пережитка классовой графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной русификации» [1, с. 63].

Схожие процессы идут и сейчас на всем постсоветском пространстве, и в самой России. Достаточно пройти по Москве и посмотреть на вывески и рекламные щиты. Засилие англицизмов можно увидеть и в документах, услышать в теле- и радиопередачах.

Языковой империализм в отношении России использовался через отрицание права на национальную русскую самобытность и реализацию принципов социалистического интернационализма. Об этом пишет В.И. Якунин и его единомышленники, одновременно показывая: «Еще народнический теоретик П.Л. Лавров считал не важным национальный вопрос, ввиду задач социальной борьбы, для которых ни границ, ни языков, ни преданий не существует. Основоположник отечественного бланкизма П.Н. Ткачев подчеркивал несовместимость приверженности к социализму и национальной самобытности» [15, с. 222].

М.А. Марусенко в своих работах показывает, как в наши дни реализуется практика языкового империализма посредством постмодернизма и в условиях глобализации [9].

В работе «Новый мировой языковой порядок» он подробно описывает, как коллективный Запад выстраивает свое языковое лидерство в современном мире [8].

Применительно к негативным тенденциям в отношении русского языка можно отметить следующее:

- снижение престижа русского языка в национально-территориальных единицах Российской Федерации;
- латентное вытеснение русскоязычных на постсоветском пространстве;
- редукция русского языка, засорение его неоязом;
- широкое распространение английского языка, замещение русского и, как следствие, отрыв от генетического кода последующих поколений;
- формирование иммиграционных анклавов в российском пространстве без знания русского языка;
- падение престижности русского языка в системе международного общения.

М.А. Кронгауз утверждает, что русский язык сейчас находится на грани нервного срыва [5].

Однако обращение к мировой и русской истории показывает, что даже негативные тенденции в конечном итоге имеют положительный исход. Этот феномен в русской культуре выражается поговоркой «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Негативные тенденции ведут к тому, что усиливается обратная ответная реакция. Россия входила в состав Золотой Орды, но стала ее наследницей, вобрав в себя большое количество культурного опыта народов Орды, в том числе и русский язык обогатил себя через языковой диалог. В русском языке много монгольских, тюркских, греческих, еврейских, арабских и других слов. Например, захоластье – слово монгольского происхождения, или лампа, кровать – греческие, или халва, софа, магазин, сироп – арабские, нашли широкое применение в русской культуре. И таких примеров много. Был период, когда русская элита не знала своего языка, предпочитали разговаривать на французском.

Ярче всех сила русского языка выражена М.В. Ломоносовым: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством, и довольствием велик перед всеми в Европе» [6, с. 391].

Выводы

Исторический опыт русского народа вселяет уверенность в том, что мы способны преодолеть негативные тенденции, которые закрались в пространство русского языка и сегодня. Необходимо только понять, что многие из этих тенденций носят сознательный, искусственный характер и связаны с действием практики языкового империализма, в отношении которого должны быть приняты соответствующие сознательные меры защиты и противодействия.

Список источников

1. Вдовин А. Русские в XX веке. Москва: Олма-Пресс. 2004. 446 с.
2. Добренев В.И. Глобализация и Россия. Социологический анализ. М.: ИНФРА-М. 2006. 440 с.
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: Братья Карамазовы: Роман. М.: Мир книги, Литература. 2008. Ч.1,2. 336 с.
4. Древнетюркский словарь. Академия наук СССР, Институт языкознания / авторы-сост.: Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. / ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1969. XXXVIII. 676 с.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Издательство АСТ: CORPUS. 2019. 512 с.
6. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Труды по филологии. 1739-1758. М., Л., Издательство Академии наук СССР. 1952. Т. 7. С. 389 – 578.
7. Марусенко М.А. Внутренний языковой империализм США: от «плавильного котла» к «салатнице». США – Канада. 2013. № 10. С. 35 – 49.
8. Марусенко М.А. Новый мировой языковой порядок. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. 684 с.

9. Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М.: Издательство ВКН. 2015. 496 с.
10. Монгольско-русский словарь / Под общей ред. А. Лувсандэндэва. М.: ГИС. 1957. 235 с.
11. Ньюитц А. Истории – это оружие. Психологическая война и американское сознание. М.: Издательство «Картина мира». 2024. 186 с.
12. Оруэлл Дж. 1984: роман. Скотный двор: сказка аллегория. М.: АСТ: Астрель. 2012. С. 50 – 51.
13. Пиперски А. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн. 2018. 224 с.
14. Уэллс Г. Прагматизм – философия империализма. М.: Издательство иностранной литературы. 1955. 272 с.
15. Якунин В.И., Багдасарян В., Сулакшин С. Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Эксмо. 2010. 432 с.
16. Mattingley G. Renaissance Diplomacy. ChappelHill. 1955. P. 2.

References

1. Vdovin A. Russians in the 20th century. Moscow: Olma-Press. 2004. 446 p.
2. Dobrenkov V.I. Globalization and Russia. Sociological analysis. Moscow: INFRA-M. 2006. 440 p.
3. Dostoevsky F.M. Collected Works: The Brothers Karamazov: Novel. Moscow: Mir knigi, Literature. 2008. Part 1,2. 336 p.
4. Old Turkic Dictionary. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. authors-compilers: T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin et al. eds.: V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 1969. XXXVIII. 676 p.
5. Krongauz M.A. Russian language on the verge of a nervous breakdown. Moscow: ACT: CORPUS Publishing House. 2019. 512 p.
6. Lomonosov M.V. Russian grammar. Lomonosov M.V. Complete Works. Works on philology. 1739-1758. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1952. Vol. 7. P. 389 – 578.
7. Marusenko M.A. Internal linguistic imperialism of the USA: from the "melting pot" to the "salad bowl". USA – Canada. 2013. No. 10. P. 35 – 49.
8. Marusenko M.A. New world language order. SPb: Publishing house of the Russian State Pedagogical Univ. named after A.I. Herzen. 2019. 684 p.
9. Marusenko M.A. Evolution of the world language system in the postmodern era: linguistic consequences of globalization. Moscow: VKN Publishing House. 2015. 496 p.
10. Mongolian-Russian dictionary. Under the general editorship of A. Luvsandendev. Moscow: GIS. 1957. 235 p.
11. Newitz A. Stories are weapons. Psychological warfare and the American consciousness. Moscow: Publishing house "Picture of the world". 2024. 186 p.
12. Orwell J. 1984: novel. Animal Farm: a fairy tale allegory. Moscow: AST: Astrel. 2012. P. 50 – 51.
13. Piperski A. Language Construction: From Esperanto to Dothraki. 2nd ed. Moscow: Alpina non-fiction. 2018. 224 p.
14. Wells G. Pragmatism – the Philosophy of Imperialism. Moscow: Foreign Literature Publishing House. 1955. 272 p.
15. Yakunin V.I., Baghdasaryan V., Sulakshin S. Trap: New Technologies of Struggle with Russian Statehood. Moscow: Eksmo. 2010. 432 p.
16. Mattingley G. Renaissance Diplomacy. ChappelHill. 1955. P. 2.

Информация об авторе

Маслова М.В., кандидат философских наук, доцент, Российская открытая академия транспорта Российского университета транспорта (МИИТ), 121315, РФ, г. Москва, ул. Часовая 22/2, стр. 1, m-v-maslova-77@yandex.ru